

П Р О З А

Александр КОНОПЛИН

Родился в 1926 г. в Ярославле. Стал писателем, пройдя войну, а затем все круги ада сталинских лагерей. Отправился на фронт семнадцатилетним юнцом, домой вернулся двадцативосьмилетним. Трудная судьба отложила отпечаток на его творчество и характер: Коноплин против показухи, литературных штампов; все написанное им носит печать искренности, мастерства и таланта. Большинство книг прозаика увидело свет в столичных издательствах. На телевидении экранизированы отдельные главы и рассказы, по его повести «Собака» снят фильм, рассказы звучали по радио. Книги переведены на немецкий и английский языки. Член Союза писателей России. Лауреат премии им. Сурикова.

Флейта

Повесть

Они жили на чердаке того самого дома, который совсем недавно был известен как Дом Оркестра. Старинный, с колоннами, красивым портиком на втором этаже, широкой балюстрадой и мраморными ступенями приглянулся одному из новых русских. Полгода назад то же самое произошло с Домом Книги. Другой бизнесмен купил его у мэрии и разместил в нем зал игровых автоматов.

— Новым хозяевам жизни, — сказал бывший дирижёр оркестра Самсон Григорьевич Либерман, — не нужна классическая музыка, а из книг они уважают сборники анекдотов и рекламу средства от пота ног.

— Жаль, — сказала Флейта, — а я так люблю читать!

На чердаке она соорудила что-то вроде небольшой этажерки, куда перетащила найденные на свалке книги: когда ликвидировали библиотеку оркестра, вместе с мусором выбросили и классику.

А занять чердак им посоветовал Либерман.

— Позади здания есть черный ход, ведущий наверх, так что ваше существование никто не заметит. По крайней мере, пройдет немало времени.

— Но чердак один, а нас двое, — сказал Ударник, — неудобно как-то...

— Значит, вам надо пожениться, — сказал Самсон Григорьевич.

Так Ударник и Флейта стали мужем и женой. Вообще-то у них имелись настоящие имена, но Ударник ненавидел свое родное — Прохор, — оно ему казалось архаичным, Настя же стала называться именем своего инструмента из солидарности. В эту игру постепенно втянулись их друзья и коллеги — так было романтичней и короче.

После закрытия оркестра дружба не распалась, приобретенные ранее, в лучшие времена, клички остались. Тромбон, Виолончель и Саксофон уехали из города. Ходили слухи, что им предложили работу в Ашхабаде, там появилась своя филармония. Ее будущий директор Хусаинов частенько приезжал в Н., посещал и филармонию и оркестр и прекрасно знал, кто чего стоит.

Ударнику и Флейте и еще Фаготу он работу не предложил, но не потому, что они были плохими музыкантами, а потому, что в Ашхабад из Рязани успели перескочить несколько музыкантов, — в Рязани по непонятным причинам тоже закрылся областной оркестр.

Живя в Н., Ударник и Флейта часто встречали своих коллег. Фагот теперь работал бухгалтером на овощной базе. Альт, поскольку был совсем молодым человеком и только-только отслужил действительную, стал охранником в чьем-то офисе. Пианист Борман ушел на пенсию, старушка Труба учила детей в школе умственно-отсталых. Только Ударнику и Флейте не нашлось работы в этом городе. И еще жилья: комнату, в которой Ударник жил, отобрали — она оказалась казенной, у Флейты вообще никогда не было жилья — ни своего, ни казенного, она жила у подруги, пока та не вышла замуж.

На чердаке, кроме пустых коробок, ничего не было. Но зато имелось большое окно, во всю стену, окно, через которое виден город, его прямые улицы, площади и скверы, где Флейта любила гулять в свободное от репетиций время.

К удивлению Флейты, Ударник оказался не таким уж тюфяком, как о нем говорила Валторна — его бывшая любовница. Он искал и часто находил вполне приличную работу. Летом его нанимали разгружать баржи с фруктами, зимой он работал грузчиком в «Электротоварах» и однажды принес домой электроплитку в качестве заработной платы — до этого ему не платили два месяца. С этого дня хозяйство, которое вела Флейта, получило современное звучание: теперь, уходя утром на работу, ее муж завтракал горячей картошкой с салом.

Любил ли он свою Флейту? Кажется, любил. По крайней мере, ей очень этого хотелось. Но она была слишком неопытна в свои двадцать восемь и не могла определить точно — до Ударника у нее никого из мужчин не имелось. Говорили, что она красавица. Правильные черты несколько удлиненного лица, вьющиеся крупные локоны до плеч, красивая высокая грудь, лебединая шея... Только одна нога у нее короче другой. В этом причина, почему она не отвечала на записки поклонников, а букеты цветов передаривала коллегам. Подруги у нее имелись не только из числа музыкантов, они пытались познакомиться с солидным, неглупым человеком из отставных военных — почему-то только таких кандидатов ей предлагали. Она не обижалась: молодой мужчина вряд ли рискнет пройтись по улице с хромоножкой... Ударник покорила ее тем, что не замечал этого, как ей казалось, ужасного уродства, он ценил у ней ум, аккуратность, воспитанность — все,

что ему самому не доставало. Он был неплохим музыкантом, но имел неуживчивый характер, гордость, а из-за своей физической силы на остальных смотрел свысока. Когда друзья привезли им на новоселье кровать с полированными деревянными спинками, он взвалил ее на плечи и один поднялся на чердак. В компании, что тоже ей нравилось, никогда не напивался — знал меру, а пьяных всегда развозил по домам. Словом, если бы не отсутствие постоянного места работы и хотя бы крохотного жилья, на жизнь можно не жаловаться. Они еще достаточно молоды, если верить правительству, их благосостояние будет улучшаться, долгов у них нет, они никому не сделали ничего плохого. Лишь насчет детей у Флейты иногда мелькала мысль... Она даже прикидывала, где можно поставить детскую кроватку, и однажды притащила откуда-то ванночку, но пока замачивала в ней белье. Мужу о своих мечтах она не говорила — мужчины таких разговоров почему-то пугаются и часто уходят в себя.

* * *

Однажды — этот день она запомнила на всю жизнь — к ним на чердак поднялась Скрипка и сказала, что нашла работу для Флейты.

— Один новый русский затеял поставить у себя дома музыкальный спектакль из греческой мифологии. Кажется, что-то связанное с Афродитой, я сама пока точно не знаю, мне Валторна сказала.

— А помещения у него для этого хватит?

— Хватит, он теперь владеет зданием бывшего кукольного театра. Знаешь, на Андропова? Да ты не перебивай, а то забуду. Берут только молодых и красивых — это тоже Валторна сказала — и еще, чтобы была хорошая фигура.

— Но у меня... сама знаешь... — потупилась Флейта.

— Ногу твою никто не увидит, будешь сидеть где-нибудь под маслиной и играть на своей флейте, зато остальное у тебя — дай Бог каждой.

— А тебе уже дали роль?

— Роли пока не раздавали — до этого не дошло — пока проверяют на молодость и сексуальность. Ну, чего глаза вылупила? Теперь без этого даже в банк не поступишь, не то, что в театр. Хотя откуда тебе знать, ты же у нас — Нещечко!

Флейта не обиделась, так ее звали в оркестре за наивность и неумение жить.

— А что мы должны делать? Идти куда-то или за нами придут?

— Сама не знаю, — Скрипка, наконец, нашла свободный стул, сбросила с него чьи-то брюки и села. — У тебя сигарета найдется? Хотя что я спрашиваю... — Она порылась в сумочке. Нашла что-то отдаленно напоминающее сломанную сигарету, закурила. — Насчет моей сексуальности меня уже спрашивали, — она сильно затянулась, — один из его котов...

— Кто?

— Ну, так называют парней, которые у навороченного в шестерках ходят, могут бабу для него снять на бульваре, могут кому-нибудь рожу расквасить, а этому поручили узнать, кто из нас секс-баба, а кто ни рыба ни мясо. — Она снова сильно затянулась. — Ничего, смазливенький, только, по-моему, сильно потрепанный. Вадиком звать. О профессионализме не спрашивал, зато интересовался длиной моих ног. Я была в шубе, и он не понял...

Проводив ее, Флейта задумалась. Конечно, Скрипка — болтушка и высоко о себе мнит. Но то, что музыкантов набирают по длине ног, ее насторожило.

В половине восьмого вечера пришел Ударник, как всегда, усталый и голодный, и с жадностью набросился на картошку. Флейта смотрела, как он ест — она вообще любила наблюдать за ним, — и радовалась: в картошке было целых три ложки масла — удалось

купить на рынке дешево — и одна большая луковица, мелко искрошенная. Он ел, а она глотала слюнки: на двоих все равно бы не хватило. Поев, он, по обыкновению, опрокинулся на кровать и захрапел. Флейта сняла с него сапоги, потом уселась у него в ногах и снова смотрела, не отрываясь. За год он почти не изменился, разве что немного возмужал и почти перестал бриться. Она смирилась и с этим, мужчине идут борода и усы, голыми лица бывают у молодящихся холостяков и голубых. Последних в оркестре было трое. Владик Ростовцев ей сначала нравился, потом неожиданно нахамил без причины, и она о нем забыла. Второй — уже в годах — тромбонист Феклистов когда-то учился с ней в консерватории и даже был старостой курса, но потом за нетрадиционную половую ориентацию отчислен. Встретились они здесь, в Н., куда она попала по распределению, а он по благу. Третий, Шурик Бзыкин, — почти мальчик, и Флейта первая протянула ему руку дружбы. Она симпатизировала ему и после, уже зная, что он голубой, потому что не было в оркестре еще одного такого внимательного и незлобивого человечка. И еще он по-настоящему талантлив. Правда, не в музыке, а в поэзии. Его стихи она аккуратно переписывала в тетрадку и прятала в шкаф вместе с нотами. После ликвидации оркестра то и другое пропало. Уходя от нее, Скрипка сказала, что из мужчин хозяин пригласил только его, Шурочку Бзыкина — альта.

Вообще подбор музыкантов Флейту озадачил. В оркестре работало немало способных, например виолончелист Рассадин или кларнет Вешняков, но, по словам Скрипки, о них даже не вспомнили.

Первым желанием Флейты было обо всем рассказать Ударнику. Но в тот день он долго не приходил с работы, и намерение постепенно угасло. В конце концов, еще ни коня, ни воза, неизвестно, примут ли, а главное, не позвали его, лучшего ударника в области, и Флейта решила промолчать.

Ночь она не спала: радостные, светлые мысли роились в голове, она вспоминала лучшие спектакли и концерты со своим участием, сольные номера, которых набралось много, в ушах даже звучали восторженные крики слушателей, а на сцену летели букеты роз... Наверное, не все в этих воспоминаниях было правдой, за долгие годы набралось больше мечтаний, чем действительности, но каждая мечта, утроенная желанием, вращалась в сознание, становилась реальностью, и порой Флейта уже не могла с уверенностью сказать, что произошло на самом деле, а что — нет. Конечно, ее флейта не такой инструмент, чтобы солировать перед публикой, но все-таки два выступления у нее прошли, это она точно помнила: один в сопровождении гобоя, второй в дуэте с кларнетом, но раз состоялись два, почему бы не состояться еще несколькими? Ведь прошло столько лет, она набралась опыта, ее мастерство возросло!

Обнадежив себя таким образом, она разволновалась и, забыв, что рядом, на узкой кровати, спит муж, неловко повернулась и задела его плечом. Рано утром он уйдет на работу или на поиск ее, а она станет его ждать и, от нечего делать, перешивать старые платья. Хотя почему от нечего делать?

От волнения она даже приподнялась на локте. Почему бы ей, прямо с утра, не пойти в тот офис, где набирают музыкантов? В конце концов, это ее ни к чему не обязывает, она только зайдет и посмотрит... Скрипка сказала, что меценат расположился в бывшем кукольном театре, где Флейта не раз подрабатывала в детских спектаклях. Здание это старинное, отобранное большевиками у какого-то фабриканта — кстати, тоже любителя искусств и покровителя молодых артистов, — с мраморными лестницами, лепными потолками, массивными колоннами. Нынешний владелец, если не полный идиот, вряд ли станет все это разрушать, современные богачи стараются обставить свой офис стариной, намекая этим на свою родственную связь со знатными фамилиями города.

Когда забрезжил рассвет, Флейта уже точно знала, что будет делать сегодня, осталось ждать, когда проснется муж.

Он проснулся, как обычно, в шесть, потянулся, как кот, и одним прыжком вскочил с кровати. Флейта любила и это его потягивание — оно действительно напоминало движение кота, и этот хлесткий спортивный кульбит, от которого грозила развалиться деревянная кровать. Проводив его до дверей — это тоже было традицией, — она наспех выпила холодного чая — электроплитка второй день не работала, — привела себя в порядок, взяла футляр с флейтой и вышла на улицу. На ее счастье, зима стояла теплая, и вытертое демисезонное пальто ни у кого не вызвало удивления, вот только летние ботинки были явно не по сезону.

До бывшего кукольного театра можно было доехать общественным транспортом с пересадками, но в последнее время контролеры автобусов стали особенно придираться к безбилетникам и Флейту уже два раза хотели оштрафовать, но «на первый раз» простили. Она пошла пешком, испытывая ставшую привычной слабость. Знакомая медсестра сказала, что ей нужно лучше питаться, иначе эта слабость отзовется на каких-то важных органах, и тогда не миновать больничной койки и капельницы. Именно капельницы Флейта боялась больше всего, она стала причиной гибели ее двоюродного брата — единственного родного существа на этой земле.

Идя по улице, она раздумывала над тем, что же все-таки они хотят ставить на своей сцене. «Федру», «Саломею», «Эвридику» или, может быть, «Электру»? Во всех этих трагедиях есть партия флейты, поскольку инструмент рожден в Греции и лишь потом стал достоянием всего мира. Положим, в «Ипполите» или «Медее» может вообще не быть музыки — это самый легкий ход, но ведь Скрипка сказала, что они набирают музыкантов!

Почему-то боясь опоздать, она пошла быстрее и вскоре уже стояла у входа в знакомый дом. Прошла по коридору первого этажа, но не увидела того, без чего не бывает ни одной постановки — декораций. Может, они наверху? Она поднялась на второй этаж и, ориентируясь на людские голоса, отворила дверь в самую большую комнату — где, как не здесь, режиссер мог поместить декорации? Однако и здесь ничего похожего на театр не было. С десятков молодых девушек или женщин ходили взад и вперед, разговаривали, хохотали, курили, примеряли на себя какие-то одежды и парики, двое сидели в креслах перед зеркалами, и парикмахерши делали им прически, действительно напоминавшие греческие. Учась в консерватории, Флейта регулярно посещала драматический театр и некоторые самодеятельные коллективы, где иногда ставились музыкальные спектакли и Флейта принимала в них участие.

В драмтеатре города Н. имелся свой оркестр, но там не было флейты, и девушка из оркестра оказалась кстати. Играя, Флейта видела сам спектакль и завидовала артисткам, исполняющим роли богинь, вот почему после сообщения Скрипки она с таким желанием согласилась попробовать себя в спектакле.

Разглядывая девушек, она поняла, что это вовсе не актрисы, а, скорей всего, особы, набранные с улицы, с вульгарной внешностью, но безупречными формами. Среди них не имелось ни одной старше двадцати пяти, как не было и музыкантш — в комнате Флейта не увидела музыкальных инструментов.

Она повернулась, чтобы выйти, и в дверях столкнулась с первым и пока единственным мужчиной в этом царстве женщин, бывшим директором книготорга Ростиславом Евгеньевичем Рудницким, человеком старше ее лет на двадцать, но не потерявшим прежнего лоска. Когда-то их познакомили в одной маленькой компании друзья Флейты с намерением выдать ее замуж за приличного человека. Из знакомства ничего не получилось — Рудницкий ей не понравился, но в дальнейшем, встречаясь на улице, они це-

ремонтно раскланивались. В тот вечер Рудницкий играл роль жениха, теперь он, похоже, собирался предстать перед Флейтой в образе начальства.

— Здравствуйте, — сказал он, слегка грассируя, — рад видеть вас здесь. Где теперь изволите работать? Ваш оркестр, как я слышал, прикрыли.

— Прикрывают проворовавшихся торгашей, а мы ни у кого ничего не крали, поэтому нас не прикрыли, а расформировали по непонятным для нас причинам.

— Простите, если я вас обидел, — сказал Рудницкий, — честное слово, не хотел. Но раз уж вы здесь, то нам стоит обсудить некоторые вопросы. Дело в том, что наш уважаемый босс изъявил желание возродить в этом городе то ли оперный театр, то ли музыкальную эстраду — я сам пока точно не знаю, — для чего нам, в частности мне, поручено набрать труппу.

— Я пришла как раз по этому вопросу, — сказала Флейта. — А как зовут вашего босса?

— Его зовут Вольдемар Аполлонович Светозаров. Это для непосвященных. Вам, как старой знакомой, раскрою секрет: по паспорту он Пафнутий Ременько.

— Пафнутий?

— Да, Пафнутий. Имя, что и говорить, не театральное, фамилия тоже. Но ведь не всякий может похвастаться такой, как, например, Рудницкий! Шучу, конечно. Но к делу. Прекрасно, что в нашем городе появился человек, любитель искусства, поклонник талантов, могущий что-то сделать для города. Будем надеяться, что его благие начинания пойдут по нужному руслу. А теперь не пойти ли нам с вами в мой кабинет, где есть все, чтобы отдохнуть и расслабиться? — Он распахнул тяжелую дверь, и глазам Флейты предстала знакомая до мелочей комната — бывший кабинет главного режиссера кукольного театра Виктории Ивановны Галицкой. Сейчас он был наполнен мягкой мебелью и устлан коврами. Большой письменный стол посередине тоже принесен откуда-то — старинный купеческий стол с толстыми резными ножками, рустированными дверцами, покрытый зеленым сукном, на котором стоял богатый письменный прибор с двумя канделябрами и целым набором ненужных, но полагающихся к такому прибору безделушек. Как показалось Флейте, стол поставлен здесь, чтобы всяк сюда входящий проникался уважением и к этому кабинету, и ко всему старинному дому и верил, что этот стол и тяжелые зеркала в золоченых рамах, древний буфет и книжный шкаф красного дерева с инкрустацией — все здесь стоит с самого основания дома и нынешний его хозяин, кроме денежного, имеет еще и моральное право владеть этим домом и всем, что в нем есть, по праву своего непростого происхождения...

Нисколько не пораженная, а скорее удрученная, Флейта в нерешительности остановилась у порога. Рудницкий помог ей раздеться и предложил присесть на диван, обитый красным плюшем. Именно такой диван (а, может, тот самый) она видела недавно в фойе драматического театра возле дамского туалета.

— Скажу по секрету, — Рудницкий то прохаживался по кабинету, то садился на диван, — я здесь совсем недавно и не во всем разобрался.

— А что именно собирается ставить ваш патрон? — Флейте вдруг отчего-то стало скучно. — Какую именно из греческих трагедий? Я краем уха слышала...

Рудницкий рывком вскочил с кресла, в которое только что поместился надолго, и опять заходил по кабинету.

— Насколько я понял, здесь этого наверное не знает никто.

— Даже шеф?

— Даже он. Проводятся какие-то совещания, приглашаются драматурги, режиссеры, художники... Только, по-моему, все это для отвода глаз. Не решено главное: как он собирается ставить, в виде чего. Спектакля? Оперетты?

— Но греческие трагедии не могут ставиться в виде оперетты! Музыкальный спектакль — еще куда ни шло...

— Да, конечно, вы правы,— Рудницкий задумался. — Нужно ставить именно трагедию. Классическую трагедию!

— С участием музыкантов, надеюсь?

— Да. Да, конечно. С музыкой... Только у нас с композиторами плохо. Пока нет ни одного приличного.

— Но есть же ноты! — не сдавалась Флейта.— Эти трагедии ставят не одну сотню лет. Нужны только репетиции.

— Да, да, конечно... Репетиции... Слушайте, а давайте я вас познакомлю с нашими главными специалистами! Они сейчас как раз занимаются набором труппы.

Он помог ей надеть пальто, легонько придерживая под локоть, вывел из кабинета и отворил дверь в другую комнату, оказавшуюся довольно большим залом, где человек пять мужчин сидели возле длинного стола, покрытого красной бархатной скатертью. Впереди остальных, прямо перед входом, сидел, широко расставив ноги, краснолицый молодой человек в расстегнутой на груди рубашке, подпоясанный красным кушаком. Он только что закончил беседовать с одной из девиц и теперь бесцеремонно отодвигал ее одной рукой, в другой, волосатой и сильной, держал бокал с вином.

— Ну, Вадим Иваныч, миленький! — жалобно твердила девица.— Ну, неужели я Вам совсем-совсем не нравлюсь? Ну, взгляните же: у меня тут и тут — все как у семнадцатилетней. Да мне и семнадцати не дают!

— Сколько же тебе дают? — Вадим Иванович отвернулся от девицы. — За один раз?

Ничуть не смутившись, девица приподняла и так слишком короткую юбку и игриво ответила:

— Дают кому сколько не жалко. Вот Вы бы сколько дали?

Но Вадим Иванович не слушал. К нему подвели девушку, похожую на гимназистку-старшеклассницу, в коричневой форме и белом переднике.

— А это что за явление?

Пожилый человек с большой потной лысиной, которую он то и дело вытирал платком, поклонился и сказал:

— Очень верно заметили, Вадим Иванович: явление. Из ряда вон... Позвольте представить! Моя лучшая ученица Галя Трехперстова: тромбон, скрипка, виолончель. Курсы закончила в прошлом году, а уже участвовала в соревнованиях...

— А школу она закончила? — спросил Вадим.

Лысый захихикал, сказал с достоинством:

— Галя школу закончила два года назад, не извольте беспокоиться...

— А фартук?! — приподнялся в кресле Вадим.— Опять мне «чернилку» хочешь всучить, извращенец?

— Фартук — это так... — заторопился лысый. — Не извольте беспокоиться, она совершеннолетняя. Галенька, покажи паспорт.

— Не нужен мне ее паспорт, мне нужны данные.

— Данные — это само собой. Это у нее — как у лучшей модели.

— Ладно,— махнул рукой Вадим Иванович,— ведите за ширму, там проверят. Виолончель, говоришь? А не много ли у нас набралось этих самых виолончелей, нет ли чего другого?

— Есть, есть, Вадик! — Рудницкий вытолкнул к столу упирающуюся от смущения Флейту. — Как раз то, что тебе надо.

— А ты знаешь, что мне надо? — вблизи флейта увидела, что глаза у Вадима маленькие, красные и совсем пьяные.

— М... в общих чертах, — смутился Рудницкий. — Хочу сказать о профессионализме этой дамы. Он — выше всяческих похвал!

Рудницкий еще что-то говорил на ухо Вадиму, а он смотрел на Флейту, как смотрит хирург на будущего пациента, видя все его мышцы, кости, сухожилия...

— Ладно,— сказал он наконец, — пусть пройдет за ширму.

— А почему меня не заводили за ширму? — вдруг закричала первая девица. — Всех так всех...

— А тебя и заводить не надо, — не глядя на нее, сказал Вадим, — ты мочалка.

— Это я мочалка? — казалось, она сейчас кинется на Вадима с кулаками, но за его спиной стояли два борцовского вида парня, они подхватили девицу под руки, и Флейта ее больше не видела.

— Вот... Приходится иногда... — медленно проговорил Вадим и отпил глоток вина. Надеюсь, с вами такого не произойдет? — Красные веки его слегка приподнялись, и глаза скользнули по фигуре Флейты.

— Нет, нет, что ты! — вскричал Рудницкий.— Мы — народ понимающий... — Он сам провел ее в конец комнаты и завел за ширму, где пожилая женщина, чем-то удивительно напоминавшая тюремную надзирательницу, не глядя на Флейту, сказала:

— Раздевайся.

Несколько удивленная музыкантша сняла пальто и оглянулась, ища вешалку. И увидела Вадима. «Главный специалист» опять прощупывал ее всю своими красными глазками, которые Флейта решительно назвала «свиными», при этом губы его шевелились в улыбке.

— Раздевайтесь! — повторила женщина и, взяв за плечо, повернула Флейту лицом к себе. Флейта увидела еще одну женщину, сидевшую за столом, в которой не сразу узнала Валторну.

— Решилась? — спросила та, забыв поздороваться.— Ну и правильно. Чем голодать на своем чердаке, лучше здесь показать себя...

— Так ты будешь раздеваться или нет? — закричала женщина, но Валторна ее остановила:

— Не надо с ней так, Мария Ивановна, она не из тех...

— А из каких? — уже совсем зло крикнула женщина. — Из благородных, что ли?

— Можно и так сказать, — спокойно сказала Валторна и, обняв подругу за плечи, увела в дальний угол комнаты и усадила на кушетку. — Ты ее не бойся, она сегодня немного выпила — шеф угостил, а так нормальная баба... Так, значит, ты все-таки решилась? — И Валторна, как давеча «главный специалист», прошла взглядом по ее фигуре.

— Мне что, действительно раздеваться? — спросила Флейта.

— Да нет, я тебя и так знаю.— Она достала сигареты, закурила. Немного поколебавшись, сказала: — Понимаешь, здесь все не совсем то, что ты себе представляла. Кстати, я тоже не сразу поняла... В общем, наша классика тут не нужна.

— Как? — воскликнула Флейта.— Значит, никто не собирается ставить музыкальные спектакли? Но мне Скрипка сказала...

— Не суетись. — Валторна придержала ее за плечо, поскольку подруга хотела встать. — Да, мы все говорили... И теперь говорим, ставить они будут. Но не то, что мы вначале ожидали.

— Не понимаю, объясни.

— Что тут объяснять... На классику шеф не тянет — это и ежу понятно, не тот уровень, да и спецов у него таких нет. Чтобы поставить греческую трагедию, ему надо из Москвы кого-то вызывать, а они себе цену знают, это не Рудницкий... Вот он и пошел по линии наименьшего сопротивления: набрал местной швали — ты всех видела: алкоголика

Громжинского в качестве хореографа, дурака Протезова на роль постановщика, Вадима с его мордovorотами... Еще голубых — не знаю для чего...

— Так что же он все-таки хочет делать? — Флейта заинтересовалась. — Голубых-то для чего?

Валторна долго молчала, курила.

— Как мне кажется, он хочет создать что-то вроде еще не виданной в наших краях порнухи. Теперь все можно, были бы деньги, а о морали теперь никто не вспоминает. Думаю, это спектакли не для всех.

— Как, не для всех? А для кого?

— Для особенной публики, которая в драмтеатр не ходит. А желает совсем других зрелищ. Вход по пригласительным билетам, цены офигенные. Ну, там, конечно, не только спектакли с голыми бабами, а шикарный ресторан, бар со всякими напитками, номера на втором этаже — ремонт уже идет.

— Подожди, ты сказала, что в спектакле будут голые. Кто голый? Артисты?

— Ну не осветители же!

— Выходит, меня пригласили, чтобы я вышла на сцену в костюме Евы? Ну, знаешь... — Она вскочила.

Валторна неожиданно возмутилась.

— Тогда сиди на своем чердаке и грызи сухари. Подумаешь, фифа! Трудно ей один раз за вечер в полутьме выйти на сцену голой. Да это и не совсем так, что-то все-таки на тебе будет, какая-то тряпочка вокруг бедер, насколько я знаю.

— Да не бывает этому! — вскричала Флейта и стала надевать пальто, но никак не могла попасть в рукава.

— Ну, что тут у вас? Конфликт? — В дверях стоял и улыбался Вадим Иванович.

— Да вот, не хочет раздеваться, — сказала Мария Ивановна. — Вы велели, а она не хочет.

— Как это, не хочет? Она что, и работать у нас не хочет? Тогда какого хрена Рудницкий...

— Да хочет, хочет! — Валторна снова обняла подругу. — Стесняется только, но это пройдет.

— Стесняется? — «Главный специалист» шагнул вперед и неожиданно взял Флейту за подбородок. — В самом деле, красавица.

— Уберите руку! — приказала она низким от волнения голосом.

— А если не уберу? Если я хочу взглянуть и на другие твои прелести? — Его рука скользнула вниз, подол платья Флейты поднялся, показалась нижняя рубашка.

В тот же миг футляр с флейтой, описав дугу, с силой опустился на голову Вадима, от удара футляр раскрылся, инструмент выпал и, перевернувшись в воздухе, ударил мужчину в глаз. Вадим взвыл и двинул Флейту кулаком в лицо. Она упала на спину, раскинув руки, но Вадим, забыв, с кем имеет дело, стал пинать ее ногами. На шум прибежали два охранника и повисли на плечах начальника — они знали, чем может кончиться его приступ ярости, но Вадим сбросил их и продолжал пинать. Только вмешательство еще нескольких человек спасло женщину. Вадима увели, Флейту подняли и уложили на диван.

* * *

Домой ее привела Валторна. Над городом стыла промозглая ноябрьская ночь. Валторна долго искала ключ от входной двери в карманах Флейты и при этом уговаривала подругу:

— Самое главное, не говори ничего мужу, он же бешеный, ты знаешь. Скажи, поскольку ты упала, разбила лицо... — Она нашла ключ, открыла дверь, но на чердак не пошла, только довела подругу до верха лестницы и сбежала вниз, крикнув напоследок:

— Это страшные люди! Бандиты! А Вадим у них главный, с ним не справится никто, даже милиция, так что сиди дома и лечи синяки.

Словно в полусне, Флейта толкнула дверь и вошла. За столом сидели двое, перед ними стояла пустая бутылка и еще одна ополовиненная. В качестве закуски они съели банку соленых огурцов, которые Флейта заготовила на зиму. Стараясь не поворачивать к свету разбитое лицо, Флейта прошла мимо мужчин, почти без чувств упала на кровать. Либерман и Ударник смотрели на нее с немым удивлением.

Ее разбудил не слишком вежливый толчок в спину.

Одним глазом — другой почему-то не раскрывался — Флейта увидела стоящего над ней мужа с брючным ремнем в руке.

— Вставай, голубушка, — сказал он спокойно, — я тебя буду учить уму-разуму. Надо же так нахлестаться! А ну, вставай!

Она попыталась подняться, но не смогла, голова кружилась, левый бок болел, на руку нельзя было опереться. Ударник заметил неладное, к тому же не услышал запаха винного перегара.

— Ты где была?

Она не ответила. Он хотел снять с нее пальто, но она закричала от боли и потеряла сознание.

Придя в себя через какое-то время, увидела возле кровати человека в белом халате и медсестру, держащую шприц и клочок ваты. Потом ощутила холод пониже спины и острую боль в ягодице — ей сделали укол. Голова кружилась, но стало легче дышать, Флейта хотела спросить, что с ней, но тут вошли еще двое, разложили на полу носилки, взяли Флейту за плечи и за ноги, уложили на носилки и понесли вниз по лестнице. Последнее, что она увидела, это испуганное лицо Валторны, прижавшейся в углу возле двери.

В больнице она пролежала больше месяца. Каждый день ее навещали коллеги: мужчины приносили коробки с конфетами, женщины — домашние пирожки с капустой и яблоки, а она ждала своего Прохора. Те, кого она о нем спрашивала, говорили что-то о его новой работе, загруженности, еще о чем-то и заверяли, что очень скоро он ее навестит.

Все прояснилось, когда она вернулась домой. Чердак был прибран, на столе лежала белая скатерть, кровать застелена новым атласным одеялом, вместо двух подушек теперь лежало четыре, в импровизированном шкафчике заметно прибавилось посуды. «Неужели Ударник обратил, наконец, внимание на наше хозяйство? Или здесь появилась женщина? Еще женщина?» — с тревогой подумала она и услышала торопливые шаги на лестнице. Флейта бросилась к двери, но навстречу ей через порог шагнул не ее муж, а почему-то очень растерянная Валторна с букетом цветов, хозяйственной сумкой и судком, в которых больным на дом приносят обеды.

— А я поехала в больницу, а там говорят, уже выписалась, все в порядке, езжайте к ней домой.

Валторна поставила судок на стол, по-хозяйски слазила в шкафчик, вынула две тарелки, две ложки, а из своей сумки достала хлеб и два соленых огурца.

— Садись к столу, будем тебя кормить. Небось, надоели больничные разносолы?

Флейта села к столу, но едва Валторна разлила суп, от которого исходил божественный запах умело сваренного мяса, как на лестнице снова послышались шаги и на чердак, не стучась, вошел Самсон Григорьевич — тоже с букетом цветов и полиэтиленовым пакетом, в котором угадывались красные помидоры и зеленые огурцы. Поздоровавшись, Либерман повторил слово в слово все только что сказанное Валторной насчет того, что съездил в больницу, а теперь вот здесь нашел, кого искал...

Когда на стол было выложено все, что можно съесть только за неделю, он полез в карман и вынул главное — бутылку коньяка.

— Такую победу полагается отметить.

— Какую победу? — спросила Флейта. Либерман и Валторна переглянулись.

— А разве то, что вы, моя милая, выжили после того, что с вами сделали, не победа? Самая настоящая, вот за нее и выпьем.

— А разве не будем ждать Прохора Ивановича? — Флейта впервые назвала мужа настоящим именем. — Наверное, он скоро придет.

Либерман замер с бутылкой над столом. Подумав, все-таки разлил коньяк по рюмкам и только тогда сказал:

— Когда Прохор придет, мы встретим его иначе. По-мужски. Только вот, думаю, это будет не скоро, так что давайте пока за нашу милую Настю...

— А почему не скоро? Разве он не на работе?

Так и не пригубив, Либерман поставил рюмку и сказал:

— А разве Зинаида (это было настоящее имя Валторны) вам ничего не рассказала? — и, когда Зина отрицательно покачала головой, закончил: — Тогда позвольте мне внести ясность в произошедшее с вами.

С сожалением посмотрев на рюмку — Либерман любил как раз этот сорт коньяка, — он закурил и начал рассказывать:

— Все началось с того вечера, точнее ночи, когда вы, голубушка, пришли сюда едва живая, избитая негодяем или несколькими. Вы ничего не могли сообщить, поскольку сразу отключились. Потом приехали медики, вас увезли, а мы с Прохором просидели до утра. Я уговаривал, а он молча слушал и кивал головой. Тогда я не понял, что, слушая, он не слышал, и спокойно ушел домой. Утром, около восьми, снова поднялся к нему, но его уже не было. Так мы не договаривались, и я понял, что он пошел туда... — Он взглянул на полную рюмку и виновато сказал: — Я должен выпить, потому что хочу рассказать о таком... — Он одним глотком осушил рюмку и секунду сидел, не шевелясь.

— Конечно, я его не догнал — он был уже там... Простите, я еще полрюмочки... А почему я это понял... по той панике, которая царила в вертепе. Во-первых, ко мне подбежал Шурочка Бзыкин, алыт, в очень странном одеянии, я бы сказал, во всем женском, и посоветовал немедленно удалиться. Для моей же пользы, как он сказал. Я, конечно, не удалился, а сразу побежал по лестнице на второй этаж. Оттуда доносились крики, звон стекол, грохот мебели. Вы будете смеяться, но первое, о чем я подумал, это о том, что такой шум не может производить один человек. Оказалось, может. Настя, вы находились как раз в той большой комнате с красными стульями и диваном?

— Да, еще там было что-то вроде «хельги» с хрусталем, и еще какой-то шкаф, и китайская ширма с райскими птицами.

— «Хельга» уцелела, а хрусталь к моему приходу — нет. Ширма тоже валялась на полу, и по ней топтались ногами. Впрочем, мне наблюдать долго не пришлось: какой-то подонок из охраны шефа толкнул меня кулаком в грудь, отчего я покотился в угол и там, простите, лежал, наблюдая. Скажу прямо: Прохору Ивановичу приходилось туго, каждый дрался, как мог. Не знаю, почему они сразу не вызвали милицию, наверное, хотели справиться своими силами. Но это же Прохор! Наш Прохор по кличке Ударник! Видели бы вы, как он их разбрасывал! Кстати, мне кажется, он дрался в полсилы. Бросавшемуся на него Вадику — так, кажется, зовут начальника личной охраны хозяина — он просто слегка махнул ручкой — вот так! — и тот уполз, зажимая обеими руками нос.

— Сколько их было? — спросила Флейта.

Она слушала так внимательно, что Валторна, обняв за плечи, не смогла оттащить ее от Либермана.

— Шестеро. Это вначале, когда я пришел. Через минуту Прохор вырубил двоих. Эти «вырубленные» оказались рядом со мной, на полу, и вот что я от них услышал. Один сказал другому, явно оправдывая свою беспомощность: « Это же Прошка Гуляев! Я не сразу его узнал, а потом он мне врезал, и тут я понял: наш, спецназовский, из третьей роты! Как бы раньше сообразить, я бы не то что драться с ним, я бы ему помог...» — «Чего ж сейчас не поможешь? Один он...» — «Ногу он мне сломал. Прием у него есть такой: один удар, и ты без ноги. Инструктор наш Папанов еще тогда сказал: “Деритесь с кем хотите, но опасайтесь Гуляя, у него особый дар”». — «Чего?» — «Дар. Эх, понесла меня нелегкая не в ту степь! Дружить бы с Гуляем, а я тут, вместе с тобой...»

— Вот, девушки, что я услышал, лежа в холодке под пальмой. Прошенька-то наш не просто Гуляев, а Гуляй! Спецназовец! И ведь хоть бы раз обмолвился, хитрец!

Уже не стесняясь, Самсон налил себе полстакана и залпом выпил.

— Что было дальше? — спросила Флейта. — Самсон Григорьевич, миленький, не томите!

— Дальше — неинтересно.

Он вздохнул:

— Милицию они все-таки вызвали. Человек десять ворвались с дубинками. Я думаю, Прохор Иванович и с ними бы справился, но, к счастью, у него кроме громадной силы еще и разум. Не стал он с дураками спорить, а сразу сдался. Надели на него наручники и увели. Меня и тех двоих «вырубленных» хотели привлечь как свидетелей, но я сказал, что уснул тут, под пальмой, пьяный и ничего не видел, а у тех двоих, наверное, совесть проснулась: послали они всю милицию по дальше... Ну, что было на суде... О Прохоре судья говорил как о злостном хулигане, дебошире, устроившем погром в логове мирных овечек. Сто тысяч с хвостиком насчитали ему за сломанную мебель и разбитый хрусталь. Конечно, семь лет строгого режима — не шуточки, но, я думаю, Прохор перенесет и это. Когда я его навестил в Коровниках, он улыбался из-за решетки. Видимо, грело то, что отомстил за жену. Немногие мужья способны на такое.

— Я поеду к нему! — Флейта вскочила и стала одеваться. Валторна удержала ее, а Либерман сказал:

— Вы опоздали на двое суток. Увезли с этапом. На Север.

— Куда увезли?! — Флейта кричала, лицо ее побелело, глаза готовы были вылезти из орбит.

Либерман достал из кармана клочок бумаги и протянул ее Флейте.

— Вам, милая, остается сидеть и ждать письма. Или открытки. Думаю, недельки через две получите.

Флейта странно обмякла, съежилась, согнулась над столом.

Все молчали.

Затем тихо спросила:

— Почему его никто не защитил? Ведь осудили за благородство! Он — рыцарь! Неужели судья ничего не понял? Ведь у него имелось мое письмо...

— Какое письмо? — Либерман и Валторна удивленно взглянули на Флейту.

— Ко мне в больницу пришли какие-то люди, — сказала она, — попросили подробно обо всем происшедшем рассказать. Я рассказала. Неужели суду этого оказалось мало?

Либерман пожал плечами.

— Простите, Настя, но судья зачитал только одно ваше заявление, где вы пишете, что Вас никто не бил, а синяки и ссадины вы получили, когда оступились и упали на лестнице. Вот Зина подтвердит, она тоже была на суде.

— Да, — сказала Валторна, — я сама видела твою подпись. Кстати, ведь это я тебе советовала не возбуждать дела против Вадика — ты помнишь? Ну, и решила, что ты послушалась моего совета. Там, в зале суда, были четверо из его шайки, так что ты поступила правильно.

— Значит, — сказал Либерман, сильно взволнованный, — имелось и другое письмо, и оно должно было лежать у судьи на столе! — В волнении он откинулся на спинку стула, вытер пот со лба.— Непостижимо! И это наше правосудие! Непостижимо! Теперь я понимаю: все куплено! Недаром адвокат, мой старый знакомый, прятал от меня глаза, когда я говорил, что ничего сделать нельзя, поскольку нет свидетелей в защиту обвиняемого.

— Как же? — воскликнула Флейта. — А Зина? Она же все видела!

— Она промолчала,— сказал Либерман.— Так же, как и я... Простите нас, если можете.

Общее молчание длилось минут десять, потом Флейта сказала тихо:

— Уходите! Мне... надо побыть одной. Завтра я еду к нему.

Они ушли, неслышно ступая, как нашкодившие собаки. И так же неслышно прикрыли за собой дверь.

А Флейта немедленно стала собираться в дорогу. Еще не совсем оправившаяся от потрясения, она плохо соображала, что именно надо взять с собой, и пихала в сумку все, что попадало под руку. Получилась тяжелая кладь и еще одна, поменьше. С теми продуктами, которые она собрала со стола. Почему-то она торопилась и даже не подумала, что все можно купить на следующий день, не торопясь. Какая-то неведомая сила толкала ее в спину, заставляла все делать быстро и непродуманно.

Только к ночи она немного пришла в себя, спустилась вниз и попросила у дежурного охранника разрешения позвонить по телефону. Он разрешил. Справочное вокзала ответило, что скорый поезд на Воркуту ушел уже четыре часа назад, а следующий будет в восемь часов утра. Она поблагодарила дежурного и поднялась к себе.

Больше часа сидела, не шевелясь, слегка раскачиваясь, как кукла-неваляшка, только без музыки, тихо.

Иногда ей приходила в голову здравая мысль: до поезда еще часов шесть-семь, и можно бы немного поспать. Но она отгоняла эту мысль, ей казалось, что если она опоздает сегодня, то не соберется к нему никогда.

В семь утра она оделась, взяла вещи, зачем-то заперла дверь ключом и, проверив, на месте ли паспорт, стала спускаться по лестнице. У нее не было сомнений в правильности своих действий, даже то, что она едет в неведомое, ее не пугало. Что ж, подумала она, в конце концов, всюду живут люди. У нее есть профессия, она хороший музыкант, и на Севере, наверное, есть школа, и там нужен учитель музыки... Да, несомненно, нужен! И она будет работать там, а жить устроится в чьем-нибудь доме и в качестве платы за квартиру станет учить детей музыке. Есть же у них дети! А жилье подыщет как можно ближе к тому месту, где будут содержать ЕГО, и будет помогать ему всем, чем сможет...

Так думала она, спускаясь по лестнице, и далее, пока ехала в троллейбусе на вокзал, и на самом вокзале, пока ждала поезда.

Утро выдалось холодное, ветер задувал ей за воротник пригоршни колких, жалящих ледышек, она ежилась и, склонив голову, упрямо шла вперед.

Воркутинский поезд останавливался на восьмом пути, поэтому Флейте пришлось пройти семь, перешагивая через рельсы, стараясь не поскользнуться на обледенелых шпалах, недолеченное сотрясение мозга давало о себе знать тупой болью в голове.

На восьмой путь она пришла, когда вдали показались огни электровоза. Под фонарем стояли кучкой люди, в которых Флейта не сразу признала своих — они прятали лица в поднятые воротники. Увидев ее, они бросились к ней, стали тискать в объятиях. Здесь были все, кто не уехал из города после разгрома оркестра, женщины плакали, мужчины угрюмо молчали. Подошел Либерман и сунул ей в карман пачку денег, сказав «пригодится», и затем, но уже тише: «Прости нас, Настя!».

Валторна ткнулась мокрым лицом ей в шею — совсем как щенок, и Флейта тотчас простила их обоих и с чувством обняла Зинаиду. Потом музыканты вынули из чехлов инструменты и заиграли, а Либерман, как раньше, дирижировал. Когда подошел поезд, они подняли Настю на руки, на глазах изумленных проводников внесли в вагон, усадили на скамейку, а ящик забили продуктами — от батонов белого хлеба шел пьянящий аромат пекарни. Флейту опять обнимали, и кто-то громко кричал, что она не просто Анастасия Волохова из их оркестра, а самая настоящая княгиня Волконская, совершающая свой незабываемый подвиг... Потом они гурьбой высыпали из вагона и долго бежали рядом с поездом, а Настя смотрела на них сквозь стекло и плакала.

.. Поезд прибавил скорость, метель усилилась, и в ней, как призраки в театре, пропали родные для нее люди в стареньких драповых пальто.